Есугей СЫНДУЕВ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЗВЕЗДА

Том первый

Избранные стихотворения

Улан-Удэ • НоваПринт
2021

УДК 821.215.31
ББК 84(2=642
С 95

Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Республики Бурятия в рамках Государственной программы Республики Бурятия «Культура Бурятии» и при спонсорской помощи Матханова Иринчея Эдуардовича

С 95 **Сындуев Е.**
Евразийская звезда/ Есугей Сындуев. – Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. – 192 с.
ISBN 978-5-91121-380-0

Есугей (Сергей) Баторович Сындуев, член Союза писателей России, выпускник Высших литературных курсов Литинститута им. А. М. Горького по семинару поэзии Юрия Поликарповича Кузнецова, обладатель ГРАН ПРИ Фестиваля поэзии и авторской песни им. Булата Окуджавы. Автор стихотворных книг «Затянувшееся мгновение», «Под Вечным Синим Небом», «Люди Длинной Воли», «Параллельные миры».

В первый том «Поэзия» трёхтомника «Евразийская звезда» поэта, драматурга, прозаика Есугея Сындуева вошли избранные стихотворения разных лет — как издававшиеся прежде, так и новые стихи.

Второй том «Драматургия» представлен драматической поэмой «Люди Длинной Воли» (легенда о хонгодорах) и либретто мюзикла «Письмо Незнакомки» по мотивам одноимённой новеллы Стефана Цвейга.

Третий том «Проза» содержит в себе киноповесть «Рассечённая пайцза», основанную на реальных событиях боевых командировок Бурятского ОМОНа в Чечню, а также публицистические произведения.

© Е. Сындуев, 2021
© Национальная библиотека РБ, 2021

О СЕБЕ

Стихи я с детских лет слагал,
Таким, наверно, и помру.
И ни одной строкой не лгал,
Даст Бог, и дальше не совру.

Не на паркете и коврах –
О них ни духом и ни сном –
А в переулках и дворах
Я рос путёвым пацаном.

Был тесно с улицей знаком,
Привычен был её оскал,
Махал частенько кулаком
И нож складной с собой таскал.

И в этом всём – ничья вина:
Такими были времена,

Была такою вся страна,
Всем памятна была война.

Тогда ещё фронтовики
Забыли раны, костыли.
Крепки их были кулаки,
Они ещё – ого! – могли!

Они ворочали тюки,
Цепляли туши на крюки
И рассыпали матюки,
Остры их были языки.

Могли, подвыпив, рассказать,
Припомнив «бога-душу-мать!»,
Как приходилось отступать,
Как доводилось наступать.

И я их слушал, рот раскрыв,
Глотая разом в полный дых
Рассказов их глухой надрыв
О трудных буднях фронтовых,

О вёрстах фронтовых дорог…
И вдруг, как будто кто помог,
Легли впервые на листок
Моих стихов две пары строк.

Ну, а дворовая братва,
По фене ботая слова,
Была, наверно, неправа,
Что всё ей было трын-трава.

По всей стране те пацаны
Сидели, часто без вины,
Из них ковали паханы
Весь криминалитет страны.

Я не из маменьких сынков,
Во мне есть много от братков
И что-то от фронтовиков –
Вокруг меня был мир таков.

Мир, что прошёл по лагерям,
Сквозь ссылки и войну прошёл.

Я, подражая блатарям,
На пальце перстень наколол.

А тот, кто в мире рос ином,
Кто не был бит и сам не бил,
Путёвым не был пацаном,
Он безоглядно не любил.

А я любил. И был любим.
Хоть часто этим был губим.
Но быть никак не мог другим,
Вокруг меня был мир таким.

Стихи я с детских лет слагал.
Они, наверно, не плохи.
А то, что паханом не стал,
Так этому виной стихи.

***

Боюсь я прожить как-нибудь,
Привыкнув к житейским потёмкам.
О, жизнь моя, радугой будь!
Мостом от предков к потомкам.

***

Соборность духа, евразийское лицо,
Нрав чингизидов и язык великороссов
Сплелись в России в неразрывное кольцо
Её надежд, сомнений и вопросов.

***

Рязань меня публикует,
Стихами покорена.

Когда-то под стены её
Мой предок Батый подходил.

КУСТ

Мне снилось, что я куст,
Растущий на поляне.
В жару собой даю
Спасительную тень.

Мне снилось, что судьбы
Не выдумать желанней,
И снилось мне, что жить,
Хоть трудно, но не лень.

И если мне достичь
Не суждено Нирваны,
И длиться будет вновь
Перерождений цепь,

Я, может быть, сюда
Кустом среди поляны
Вернусь ещё, взломав
Земли дернистой крепь.

Войдёте в тень мою –
Опять мы будем вместе!
И это для меня
Счастливый будет час.

А уходя, на мне
Вы ленточки повесьте.
Когда-нибудь и я
Повешу их на вас.

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Часто жизни тропка вьётся
Между Сциллой и Харибдой,
Недосказанное бьётся
Между правдою и кривдой.

Ложь бывает во спасенье,
Правда часто насмерть режет.
Мы за них себе прощенье
Ночью вымолим.

И – те же?

Или, всё таки, другие?
В неизменность лишь рядимся?
Пред собою мы нагие,
Как на белый свет родимся.

Вспыхнет слово чудной силой?
Или бомбой разорвётся?
Меж Харибдою и Сциллой
Недосказанное бьётся.

СЛОВО

Давайте вспомним о прекрасном!
Пусть быт наш неуклюж и труден,
О суетном, о ежечасном
Давайте вспоминать не будем.

Поговорим же о высоком,
Как у поэтов лишь ведётся.
И слово вдохновенным током
От нас кругами разойдётся.

О нём, художественном слове,
Художественным словом скажем.
И целый мир, как будто внове
И ярче, встанет перед каждым.

Толкнётся сердце, вспомнив снова
То, что в себе оно открыло:
В Начале – точно! – было Слово…
И до Начала Слово было.

ПУСТЯКИ

Есть такие в словах пустяки,
Что о них говорить не с руки:

Музыкальным скрипичным ключом
Не откроешь замка нипочём,

А прибрежной песчаной косе
Не подкашивать трав по росе.

В многожёнстве живут много слов,
Неизбежна, увы, ломка дров.

Скажешь так, выйдет наоборот,
Между смыслом и словом развод,

Слово с делом не сладят никак.
Не союз между ними, а брак.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Ну, вот и дома!..
С облегченьем вздохнув,
Калитку отворил.
И старый дворик, с удивленьем
Вдруг ахнув, тут же повторил:

Калитки скрип, шагов звучанье,
Меня.
Но не таким, как есть.
А словно с детством на свиданье
Пришёл, и лет мне только шесть.

И узнаёт меня мой дворик,
И поиграть со мною рад.
Я б тоже рад... Но вот я школьник…
Вот выпускник… а вот солдат,

Что службу срочную окончил,
Не посрамив мужскую честь…

А вот студент… жених… рабочий…
А вот уже такой, как есть.

Мгновеньем предо мной мелькнуло
Мгновенье в тридцать лет длиной.
И, закрываясь, громыхнула
Калитка за моей спиной.

ПЛАЦКАРТА

Вагоны шли привычной линией,
Подрагивали, скрипели.
Молчали красные и синие,
В зелёных плакали и пели.

Александр БЛОК
Из стихотворения
«Под насыпью во рву некошеном»

Не СВ и не купейным, а плацкартой
Путешествовать по жизни мне дано
Бесконечно раскрывающейся картой:
Абакан, Тайшет, Тюмень, Балезино,
Петербург, Москва, Рязань, Бородино.

Не поменять мне натуру,
Такое со мной много лет:
Без веской причины, сдуру,
На поезд куплю билет.

Ни с кем ни в какой размолвке,
Но – словно под хвост вожжа –
Качаюсь на верхней полке
Без денег и багажа.

Меня на бескрайних прогонах
Российских железных дорог
Кормили в плацкартных вагонах
Попутчики, кто чем мог.

Стихи почитать просили,
Стихи почитая за честь…
Покуда жива Россия,
Поэту в ней место есть!

Покуда во рву некошеном
Не рухнула навзничь страна,
Поэтовым словом, вскользь брошенным,
Быть может, спасётся она.

КАВЫЧКИ

Мы с детства себя заключаем в кавычки –
В пристрастия, предубежденья, привычки.

Во всё, что навязано нам окруженьем
И что именуется мировоззреньем.

В кавычках своих отбывая, как в клетке,
Мы тянем пожизненный срок с малолетки.

Нахлынет желанье порой взбунтоваться –
К себе из себя сквозь себя же прорваться.

Рванёшься, наткнёшься на град зуботычин,
Подножек, пинков… и опять закавычен.

Опять обезличен, опять зауряден,
Обыден, обычен, убог, безотраден.

Покуда не вырос, бунтует ребёнок,
Пытаясь ослабить кавычки пелёнок.

Ослабил, подрос и влезает в кавычки –
В пристрастия, предубежденья, привычки.

MEMENTO MORI

Смерть – горизонт.
Он – для живущих.
Для тех, кто в этом мире гость.
Для них, со страхом смерти ждущих
И содрогаемых насквозь.

А для ушедших смерти нету.
Лишь – новый горизонт вдали,
Грань этому, тому ли свету.
Они не знают, что ушли,

Забыли этот берег бренный,
Чтоб длить себя в иной стране,
В какой-нибудь иной Вселенной,
Чтоб смутно вспоминать во сне

Лишь тень, лишь эхо ощущенья,
Когда неведомый покров
Качнулся при пересеченье
Границы зыбкой двух миров.

ЯЧМЕНЬ

Ячмень из пирамиды фараона
Доныне всхожесть зёрен сохранил.
Пока лежал он в склепе потаённо,
Пять тысяч раз успел разлиться Нил.

Пять долгих тысяч лет зерно просило,
Чтоб в пашню его бросила весна.
Какая в зёрнах жизненная сила
Неистребимая заключена!

Она весь мир собою поражает,
А мне покоя не даёт одно:
Могло бы десять тысяч урожаев –
Но так и не сумело – дать зерно.

Об этом размышляю я упорно:
Века прошли – зови их, не зови.
Века пройдут!
Не пролежат ли зёрна
Надежды, Веры и Любви?

***

Кто может человеку ближе быть, чем мать?
Никто!
Об этом мы прекрасно знаем.
Но лишь с годами начинаем понимать,
Что очень слабо это понимаем.

Из гнёзд родных повылетали мы давно
И много лет свою тропим дорогу.
Но ждёт и ждёт она, что стукнем мы в окно,
Что нас прибьёт к родимому порогу.

***

Моя годовалая дочка,
Какая там светится точка?
Что видно тебе сквозь меня?

Ау, моя доченька, где ты?
Какие в мыслишках сюжеты
Мелькают, забытым маня?

Всё вдумчивей и некапризней
В какую из прожитых жизней
Глядишь ты из этого дня?

Моя несмышлёная дочка…

ЗАТЯНУВШЕЕСЯ МГНОВЕНИЕ

Стало в комнате светлее?
Или, может быть, глаза
Лучше видеть стали,
К сумраку привыкнув?

Но вдруг вспомнил:
«Ночью снег пойдёт» – вчера отец сказал.
«Прогнозист!» – подумал я,
Тихонько хмыкнув.

И средь ночи встав с постели,
Я по полу босиком
Подошёл к окну
И штору отодвинул...

Будто кто-то пухом щедро
Землю выстелил тайком,
Белый тюль
На крыши спящие накинул.

Серебристое мерцанье
Оттеснило темноту
По углам, в кусты,
Где та и присмирела.

Покрывалом неоглядным
Всей округи наготу
Снег укрыл, согрел
Земли продрогшей тело.

Тишина оцепенения
Разлилась за окном
И застыла
Затянувшимся мгновеньем,

Обещающим быть белым
Бесконечно долгим сном…
«Прав отец был!» –
И вздохнул я с облегченьем.

МАТЬ В НЕБЕ

Сын взрослый мать в дорогу провожал
И, кажется, в душе молился Богу.
Он волновался за её дорогу
Сильней, чем если он бы уезжал.

Она весь век жила в своём селе,
Лишь по картинкам самолёты зная.
И как село, такая же земная
Всю жизнь, как небу, кланялась земле.

Жизнь двигалась неспешной колеёй,
Хватало ей земли, воды и хлеба.
Что за нужда ей подниматься в небо,
На десять тысяч метров над землёй?

Да вот, детей дороги увели.
И, видно, где-то внучка заболела,
И бабка, бросив деда, полетела
Туда, где для неё был край земли.

Мы все – таких же матерей сыны,
С морщинистыми, как земля, руками.
А бабке той лететь над облаками,
Как над обратной стороной Луны.

Вот самолёт, как будто для прыжка,
На край аэродрома откатился,
Взревел, помчался, в небо с бабкой взвился,
И вот уже под нею облака.

Мать в небе.
Сын с земли на мать молился.

***

По дому сон из детства бродит
И колыбельной песней бредит.

Без слов она поётся нежно,
И слов ей никаких не нужно.

Без них свет месяца струится,
Снежинки пчёлами роятся,

Столбом стоит над крышей дома
Пушистый хвост кошачий дыма.

Собой громаду леса ели
Удерживая, строй сомкнули.

И я глаза свои смыкаю
И засыпание смакую:

Сон наплывает светел, ясен,
Воздушна плоть, а свет телесен.

ДОМ РЕБЁНКА

В неприметном этом зданье
Расположен Дом ребёнка.
Кто-то дал ему названье,
Намекая очень тонко.

Но намёк тот всем понятен,
Беспощаден, хоть и тонок,
До убийственного внятен:
Дом ребёнка «АИСТЁНОК».

СЫНОК

Мать каждый день, готовя сыну ужин,
Твердит ему:
«Ты свет моих очей,
Одной лишь маме ты на свете нужен.
Ты только мой, и больше ты ничей».

Ты не верь, сынок мой маленький,
Если скажут: ты ничей.
Крохотуля, цветик аленький,
Боль моих без сна ночей.

Жизни вечной продолжение,
Ты и кровь моя, и плоть.
Между нами притяжение,
И его не побороть.

Притяженье неустанное,
Так река течёт к реке.

И тоскую несказанно я,
Как безрукий по руке,

С каждой прожитой неделею
Безысходней и нежней.
Только что же я поделаю –
Детям мать всегда нужней.

Но беда: не верю в это я!
Ах, ты боль моя и жаль!
Песня ты моя неспетая,
Неизбывная печаль.

***

Дождь над миром развесил
И трясёт кисею.
Нынче, брат, я невесел –
Не свищу, не пою.

Безысходно и грустно
Мне сейчас, дорогой.
Слякоть чавкает гнусно
И скользит под ногой.

Безутешные, плачут
Крыши чёрных домов,
Морды лошади прячут
Под прикрытье стогов.

Небо сумрачно-серо,
Тучи как из свинца.
Позабыл, видно, меру
Дождь.
И льёт без конца.

***

Лесок пожелтевший от трассы,
Ревущей потоком машин,
Тропинка собой отделяет,

К земле прижимаясь пугливо.

ПЕСНЯ ОСЕНИ

Солнцем слепящим город залит,
Грусть листопада легка.
Плавясь в ладонях прибрежных плит,
Листья несёт река –

Мимо высоток, мимо витрин,
Мимо товарных баз,
Мимо трамваев, мимо машин,
Мимо, всё мимо нас.

Ну, и пусть
Уплывает по лету грусть.
Ну, и пусть!
Я в себе, наконец, разберусь.

Только прежней любви,
Только нежной любви
Не зови.
Прошу: не зови.

Скоро печаль притихших полей
И перелесков печаль
В небо поднимет клин журавлей
И унесётся вдаль –

Мимо речушек, мимо озёр,
Мимо петляющих трасс,
Мимо лесами заросших гор,
Мимо, всё мимо нас.

Ну, и пусть
Улетает по лету грусть.
Ну, и пусть!
Я в себе, наконец, разберусь.

Только прежней любви,
Только нежной любви
Не зови.
Прошу: не зови.

Летней любви мы не возвратим,
К ней прикоснуться нельзя.

Вот друг на друга уже не глядим,
Взгляд пробежит, скользя –

Мимо разлук, мимо жарких встреч,
Мимо любимых глаз,
Мимо объятия ждущих плеч,
Мимо, всё мимо нас.

Ну, и пусть
Исчезает по лету грусть.
Ну, и пусть!
Я в себе, наконец, разберусь.

Только прежней любви,
Только нежной любви...

... Позови же меня!
Позови!

***

Рыжая грива осеннего леса,
Кедры в ней хвоей тяжёлой темнеют,
Небо подёрнуто дымкой белесо,
Солнце нежаркое ласково греет.

С криком пронзительным чайки кружатся,
Над тёмно-синей громадой летают,
На воду хлопьями снега ложатся,
В волнах Байкала плывут и не тают.

Как вся картина близка и знакома!
С детства она в моё сердце вселилась.
Грудь защемит грустно-ласковым комом,
Если она на чужбине приснилась.

ОСЕНЬ

Осень. О, сень золотых и багровых шатров!
Воздух прозрачен и мелодичен, как льдинка.
Тщетно пытаясь противиться воле ветров,
Робко трепещет на тонких ветвях паутинка.

Осень. Оседлые птицы с тревогой глядят,
Как улетают на юг перелётные братья.
Полон тоски и печали прощальный их взгляд,
Ждут их, оседлых, мороза немые объятья.

Осень. Осеяла улицы жёлтая грусть,
Изморозь лёгким узором на окнах утрами.
К тоненькой ветке надежды отчаянно жмусь,
В жалкие клочья терзаемый жизни ветрами.

***

Синусоидо-сопки
Окоёмом вокруг,
Журавлиные штопки
Тянут небо на юг.

Обветшавшее небо,
Сея снежную пыль,
Неуверенно-слепо
Пишет осени быль.

ЧЕЛОВЕК, БУРУНДУК и ОРЕХИ

Сквозь ветви кустов и сучья,
У дерева между корней,
Темнеет нора бурундучья
С богатым припасом в ней.

Всю осень в чащобе кедровой
Мелькал полосатый зверёк.
Чтоб выжить зимою суровой,
Орехи он приберёг.

Трудился он, не отдыхая,
До сумерек синих с утра.
Добыча была неплохая –
Орехов чуть больше ведра.

Ледком застеклились лужи,
Осыпались белой крупой.
Лес замер в объятиях стужи,
Бездушно глухой и слепой.

И как-то тропою таёжной,
Ногой приминая снег,
Походкой неосторожной
К норе подошёл человек.

Он песню свистел простую,
Не дрогнула его рука –
Он выгреб всё, подчистую,
Ограбил бурундука.

– Ну, как же так! Как это можно?! –
Метался бурундучок.
Он плакал, свистел тревожно,
Он с ветки летел на сучок,

Молитвенно складывал лапки,
Склонял полосатый свой лоб.
Глядел человек из-под шапки,
Глядел и орехи грёб.

Мольбу зверька он приметил
И, выдавив хриплый смешок,

Мольбе только тем и ответил,
Что спрятал орехи в мешок.

И тогда – так было от века –
Сунув голову в рогатый сук,
На глазах того человека
Повесился бурундук.

… Сквозь ветви кустов и сучья,
У дерева между корней,
Темнеет нора бурундучья,
Но пусто и мёртво в ней.

И пусто, и мёртво в ней.

***

Пополненьем призыва осеннего
Деревца, растерявшись, стоят.

Беспощадно, как новобранцев,
Их невидимый кто-то стрижёт.

***

Последний солнца луч исчез.
Ни ветерка.
Байкал в покое –
Без края зеркало литое,
В нём отражён пожар небес.

Качнутся чайки на волне,
Волне ленивой и тяжёлой,
Взлетят компанией весёлой
И кружатся, как снег во сне.

***

Арбузным ломтем над Байкалом
Сочится спелостью закат.

Ольхон, синеющий на алом,
Бездымным пламенем объят.

***

Свежим омулем пахнет Байкал?
Или омуль Байкалом пропах?

Объясненья никто не сыскал
Ни в простых, ни в научных кругах.

ЗАКАТ НАД БАЙКАЛОМ

Сгустился вечер в скалах мшистых,
Укрылось солнце на закат.
И перья облачков пушистых
Червонным золотом горят.

К востоку – бархат неба тёмен.
В зените – там, где он светлей –
Заката отблеск робок, скромен.
Но ниже – всё алей, алей…

А самый запад, где светило
Вдали укрылось за предел
И щедро небо озарило,
Кроваво-красно багровел.

И вычертив свой контур чётко
Среди багрянца торжества,

Глубинно-синий, чудо-лодка,
Ольхон плывёт едва-едва.

Байкал ему в подножье дышит,
И – весь величье и краса! –
Он повторяет всё, чем пышут,
Всё, чем сияют небеса.

Он точно так же багровеет,
Пылает, золотом горит.
А ближе – ало голубеет,
Потом темнеет и дрожит

Прозрачной тёмно-синей глубью,
Что манит – глаз не оторвать.
И всплескивает он голубью,
А вот – опять… а вот – опять…

И растворяется, и тает,
И бьётся сердце с частотой.
А к горлу – ком.

Так потрясает
Картина эта красотой!

Глаз не хватает – наглядеться.
И лёгких – чтобы воздух пить.
И сердца – чтобы эту, с детства,
Любовь к Байкалу всю вместить.

***

Морозной тихой-тихой ночью
Из дома выйдя, в небо заглядишься,

Увидев над собой созвездий
Холодный пламень, плещущийся близко,
Собой грозящий землю затопить.

Пронзительно вдруг осознаешь
Всей глубиной души ошеломлённой:

Насколько жизнь пред Вечностью ничтожна,
Насколько миллионы лет мгновенны,
И как бессмысленна земная суета.

Открытью этому противясь тщетно,
Стоишь, так жутко потрясённый.

И ужаса восторг тебя во всей Вселенной
Несёт и растворяет в Бесконечности.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА

Полярная звезда – ось мирозданья.
Настолько эта ось хрупка – аж жуть!
Всей массой нагрузив её, с мерцаньем
Созвездья вкруг неё вершат свой путь.

На утренней заре вздох облегченья
Расправит грудь мне, легче я дышу:
Ночь минула, ось держит напряженье,
Тревогу я на целый день гашу.

Днём не видна звезды работа тяжкая,
Днём небосвод лазурен и высок,
Днём все тревоги я гоню отмашкой…
Так страус прячет голову в песок.

***

Чтоб узнать, насколько родина прекрасна,
Нужно с родиной в разлуке долго жить,
Ощущая ежедневно, ежечасно,
Как звенит она, связующая нить.

Той духовной, той священной пуповины
Не ослабить никогда, не оборвать.
И куда б ни уезжали мы, нам в спины
Всё глядит земля родная, словно мать.

Мать-Бурятия, ты далеко, далёка!
Но плывут, плывут с Востока облака…
Солнце тоже поднимается с Востока –
Было так, и будет так во все века!

ДВА КРЫЛА

У птицы-Бурятии было всегда
Два мощных крыла, так считалось:

Ага – на восход, на закат – Усть-Орда.
Но что же с Бурятией сталось?

Взгляните на карту, на земли бурят –
Бесплодны все наши усилья!

Лишь с крыльями птицы свободно парят,
А наши обрублены крылья.

КИЕВСКАЯ СТЕНА

Не выкинуть из песни слова,
Корёжит слух такой изъян.
Вот также прошлого, былого,
Как фигу, не укрыть в карман.

Ведь это ж я тогда, у Калки,
Копьём дружинников пронзал.
А их князья – так были жалки!
Я, как баранов, их вязал.

А после, приступом жестоким
Я брал и Киев, и Москву.
Дарил девицам синеоким
Я жизнь, за глаз их синеву.

И как от прошлого такого,
Которым я всегда горжусь,

Так и от поля Куликова
Я никогда не откажусь.

Ведь линия моя прямая,
Где прадедов легли следы,
Идёт из конницы Мамая
И из Батыевой орды.

Но вот вопрос: зачем со школы
В мои вколочено мозги,
Что те кочевники-монголы
Мои заклятые враги?

Печального или смешного
В том больше, что средь той войны
Себя, кочевника степного,
Я вижу с киевской стены?

ДЫХАНИЕ СТЕПИ АГИНСКОЙ

С вершины, белым субурганом оглавлённой,
Букашкой видятся хоть бык, хоть конь.
В степи, июльским зноем опалённой,
Тугчин зелёному распадку лёг в ладонь.

Через распадок тот, противясь зною,
Задиристою свежестью дыша,
Извилисто струясь голубизною,
Онон себя проносит, не спеша.

Над ним сияющей бездонно яркой синью
Плывут вальяжно глыбы облаков.
Наполнен воздух мёдом и полынью.
И озабоченным гудением жуков.

И звонким стрёкотом кузнечиков.
И странно,
Но явственно плывущим над травой

Дыханием потомков Чингисхана.
И памятью их многовековой.

Вот с этих сопок, с этих мест напевных,
К земле приглаживая ковыли,
С седых времён, времён былинно-древних
Летят ветра во все концы земли.

Ветра то плавны, то напористо торопки –
И в этом весь монгольский наш Восток…
Тень облака сползает с круглой сопки,
Как с головы беспечной девушки платок.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЗВЕЗДА

Мать ли мачеха – Россия?
Третий Рим или Орда?
Над тобой неугасима
Евразийская звезда!

Но Москве твоя опора –
Азиат – незваный гость.
Треснув, трудно и нескоро
Отболит, срастаясь, кость.

Для твоих, Москвой упорно
Не любимых сыновей,
Что ни делай – будет спорно
И былого не новей.

Взбунтоваться ли?.. Смириться?..
Спиться ли в глуши степной?..

Или, плюнув, раствориться
За Китайскою стеной?..

И зачахнуть в ностальгии,
В иссушающей тоске –
И по матушке-России,
И по мачехе-Москве.

КИТАИЗАЦИЯ СИБИРИ

Могущество России
Сибирью прирастать будет.
Михайло ЛОМОНОСОВ

Кем выглядишь ты в целом мире?
В своём ли ты уме, Москва?
Китаизация Сибири –
Не домыслы и не слова.

России большего урона
Не нанесёт и злейший враг –
В Сибирь Китайского Дракона
Ты запускаешь просто так.

Ты что, Москва, совсем хренеешь?
С каким играешь ты огнём –
Ты представленья не имеешь.
Спроси хотя бы нас о нём!

Веками бились мы с Драконом,
Собой Евразию прикрыв.
Мечом ей были и заслоном,
Дракона смирным быть склонив.

Столетья мы его держали,
Как в клетке, за его стеной.
Как ты, Москва, мы не дрожали,
Не гнулись перед ним спиной.

И нам провиденья мессии
Не нужно, чтоб осознавать:
Теперь могущество России
Сибирью будет убывать.

МЕТРО

Неумолимей прокуратора
Царит всеядное метро,
И пищеводом эскалатора
Скользит народ в его нутро.

Сверкнёт навстречу обаятельный
Рекламный щит, живей живых.
Внизу встречает взгляд внимательный
Невыспавшихся постовых.

А мимо лица лейкоцитами
Текут, текут со всех сторон
И поглощаются набитыми
Вагонами.
И ты – в вагон.

С людьми, его собой набившими,
Стоишь вплотную, за версту,

Перед глазами их застывшими –
Со взглядами, как в пустоту.

И ты от всех своё отличье
Терновым чувствуешь венцом,
Поскольку положенье птичье
Нерусским меряют лицом.

ДОКОЛЕ

«Доколе, доколе, доколе! —
Кричим мы от гнева и боли.

Доколе не сметь нам роптать!
Доколе нас можно топтать!

Доколе на плечи и спины
Нам сыпаться будут дубины!

Доколе, доколе, доколе
Не знать нам свободы и воли!

Доколе ещё нам терпеть,
На площади песен не петь!

Доколе нас можно крутить,
Дела уголовные шить!

Доколе, доколе, сатрапы!
Ведь были ж у вас мамы-папы,

Они же у всех быть должны…
А может, вы от сатаны?

Как можете вы полагать,
Что можно нас всех запугать?

Мы встанем все страхи презрев,
Взметнётся наш праведный гнев!

Недолго до светлой поры —
Сметём мы вас в тартарары,

Скандируя громко и всласть:
«Мы есть власть!
Мы здесь власть!»

2020 год

ПЕСЕННЫЙ ЯЗЫК

Эй, бурят русскоязычный,
Евразийский стык!
Где же твой гортанный зычный
Песенный язык?

Он на городские стены
Предков вёл твоих,
На просторах Ойкумены
Он звучал, как стих.

В новой или старой эре
Целый мир не смог
Так сказать, как о Гэсэре
Смог бурятский слог.

Им прабабки наши пели,
Навевая сны,

Чтобы слаще в колыбели
Спали их сыны.

Их сыны, а наши – деды…
Нынче ж каково?
Скоро лишь языковеды
Будут знать его.

Без него на белом свете
Ты и бос, и гол.
За него лишь ты в ответе,
Ты, бурят-монгол!

Если всем нам дружно взяться,
Мы его вернём.
Чтоб ему в любви признаться
Ты сумел на нём,

Чтобы был ты двуязычный,
Чтобы не отвык
Прославлять гортанный зычный
Песенный язык!

ПРЕМУДРЫЙ ПЕСКАРЬ

Бурят, не трясись, как Премудрый Пескарь,
Осмелься и вспомни: каким ты был встарь.

Историю Средних Веков почитай:
Ты создал Россию, ты создал Китай.

И там, где Ордой ты своей проходил,
Закон и Порядок везде утвердил.

От той океанской черты и до той
Настал для Евразии Век Золотой.

Но вымыслов лживых пролился поток,
И ты в том потоке до нитки промок.

До нитки промокшему нужен ли зонт?
Взгляни, как раздвинут везде горизонт.

Упавшему в воду – до лампочки дождь.
Ты сам для себя будь и воин, и вождь.

Сомненья отбрось и очистись от лжи,
И дух свой монгольский, как знамя, держи.

Пусть путь твой к себе и непрост и далёк,
Не бойся за должность и за кошелёк.

По лужам блескучим беги босиком,
Пусть старые догмы летят кувырком.

Пусть Вечное Синее Небо тебе
Поможет раба уничтожить в себе.

Пусть дождь благодатный омоет тебя.
И край свой прославишь, изюбрем трубя.

ЯКУТИЯ

Залил весь северо-восток
Лучистый свет звезды.
Якутия – большой глоток
Колодезной воды.

Алмазов блик, оленный бег,
Медвежья доха,
Искрящийся хрустящий снег –
Якутия Саха.

Средь ночи светозарное –
О, чудо из чудес! –
Сияние полярное
В три четверти небес.

Цветное полыхание
Плывёт в сто тысяч ватт,

Такое, что дыхание –
Наперехват.

Сиянием укутана
В небесные меха
Сестра моя Якутия,
Якутия Саха.

БЕРЕГ ПОСЛЕДНЕГО МОРЯ

Мой брат-монгол, вот мы и в Вашингтоне,
В Америке.
Наш предок знал о ней?
А было б здорово на стриженом газоне
Монгольских видеть боевых коней!

Но… «Боинг» нёс меня вслед за закатом,
Навстречу солнцу ты держал свой путь.
Обнявшись здесь, смогли монгол с бурятом
В своих объятьях шар земной замкнуть.

ПОД ВЕЧНЫМ СИНИМ НЕБОМ

Я братством с калмыком
Горжусь неспроста
И схожестью однолицей.
Всемирной признана Элиста
Шахматной столицей.

Над шахматным полем,
Над полем FIDE,
Беркут степной реет.
И это в моём Улан-Удэ
Сердце мне гордостью греет.

Мне жаждой полёта
Крылья свело –
До него взлететь мне бы!
Чтоб реять с ним, крыло о крыло,
Под Вечным Синим Небом.

***

В поле столкнулись две конных ватаги,
Разных народов сыны удалые.
Не занимать им к сраженью отваги,
Степи без края для битвы малы им.

Щёлкают луки, и стрелы взлетают,
В воздухе сабли мелькают кривые.
Сшиблись противники, вновь отступают,
Снова в порядки встают боевые.

Снова несутся безудержно лавы,
Топот и вой оглашают окрестность.
Кто-то на гребне окажется славы,
Кто-то найдёт свою смерть и безвестность.

Взвилось кровавое пиршество битвы,
Лавы смешались, ломаются пики,
Молнии сабель острее, чем бритвы,
Храп лошадей, умирающих крики.

Воины кровью пьянеют в сраженье,
Кровью тускнеет их сабель блисталость.
Стая стервятников в хищном круженье
В небе над полем уже заметалась.

Близится время печальных обрядов,
Горестный плач полетит по округе.
Пятится с боем один из отрядов,
Клонятся, клонятся племени туги.

Дрогнула лава и вспять покатилась,
Дрогнула степь от победного гула.
Быстрая смерть – победителей милость –
Над побеждёнными крылья взметнула.

Лучшие воины мчатся, гонимы,
Стрелы врага их везде настигают,
Сабли противник заносит над ними,
Острые сабли пощады не знают.

Стихли за сопками звуки погони,
Тучей сверкающей битва умчалась,

В поле испуганно мечутся кони,
Щедро погибшими поле устлалось.

Ветер проносится под облаками,
Только он к боли людской равнодушный…
Грудь мою жизнь покидает толчками,
Предки приём мне готовят радушный.

Я ничего перед ними не скрою,
Я не заставил их мною стыдиться.
… Маленьким мальчиком я над собою
Низко склонившись, гляжу с любопытством.

ДРУГ СТЕПЕЙ

И ни бурятом, ни казахом
Не назывался никогда.
Давид КУГУЛЬТИНОВ

Не назвался бурятом калмык,
Во спасенье своё – не назвался.
Средь таких же, как он, горемык
Он калмыком всегда оставался.

И не пользовался никогда,
Тем, что братья мы кровью и ликом.
Друг степей оставался всегда
Лишь калмыком.
И только калмыком!

МАТЬ-ЛЕБЕДЬ

Лебеди в синеве,
Птицы белые в синеве.

Манит, как лебедей,
Вечно Синего Неба высь,
Манит к себе людей,
Что от лебеди родились.

Лебедь белая, говорят,
Прародительница бурят.

Брызгаю молоко,
Лебеди вновь летят.
Лебеди высоко,
Провожает полёт их
Долгий мой взгляд.

Нежат в лучах бока
Белоснежные облака.

С неба к земле летит
Стая белая лебедей,
Крыльями оградит
От беды оградит людей.

Может лебедь, она – как знать? –
Всем живущим на свете мать.

Брызгаю молоко,
Лебеди вновь летят.
Лебеди высоко,
Провожает полёт их
Долгий мой взгляд.

НЕЖНОСКУЛАЯ ЗАГАДКА

Нежноскулая загадка
Азиатского лица:
Как к лицу тебе, бурятка,
Пышный ворот из песца!

Как излом бровей летящих,
Глаз твоих искристый смех,
Спелость нежных губ манящих
Освежает этот мех!

Как изящно ты выходишь
Из блестящего авто,
Плавно плечиком поводишь,
Зябко запахнув манто!

До чего же музыкально
Цокает твой каблучок!
Все, кто рядом, моментально
Превращаются в зрачок.

Нанесёт чуть уловимо
Тайною твоих духов
В миг, когда проходишь мимо,
Кутаясь в волну мехов.

Лик твой мягко обрамляет
Серебристый мех густой,
Лик жемчужиной сияет
В мягкой раковине той.

Твой случайный взгляд игривый
Равнодушных не найдёт –
Юный или седогривый,
Мимолётный взгляд крадёт,

Чтоб пленённым быть буряткой,
Чтоб всю жизнь и до конца
Смутно мучиться загадкой
Нежноскулого лица.

МОРИН ХУРИСТКА

Зачарован я красавицей играющей –
Так играли в самой древней старине –
В пальцах тоненьких смычок зажат порхающий
И скользящий по тоскующей струне.

Морин хур ведёт мелодию старинную,
Стонут нервы звучных струн волосяных.
И зовёт, зовёт в седую и полынную
Степь иных времён, обычаев иных.

Чем протяжней этот зов, чем нота длительней,
Тем печальнее ловлю я каждый звук.
Чем пронзительней печаль, тем выразительней
Каждый жест текущих с плеч девичьих рук.

***

Шаг сделан.
Рубикон мой за спиной.
Горят мосты, и лодка сожжена.
Теперь мне не доступен путь иной,
Чем вслед тебе, о, не моя жена!

И пусть я на запретном берегу,
Где находиться не имею прав,
Где вором каждый шаг твой стерегу,
Не нужно мне обратных переправ!

СКВОЗЬ ВЬЮГУ

А чувства нет того святого,
Как в день когда сквозь вьюгу шли.
Ты говорила, что готова
Идти за мной на край земли.

Терзая нас, метель металась,
Сёк лица снег, острозернист.
Идти нам двадцать вёрст осталось
Сквозь кутерьму, и вой, и свист.

И я уже жалел, что в трудный
Безумный путь тебя повлёк.
Когда б не лесовоз попутный,
Тот путь последним стать бы мог.

Но ты-то, ты!..
Я восхищаюсь:

Ведь ни намёка на упрёк!
... А я всё чаще возвращаюсь
В давно минувший тот денёк,

Где сквозь пургу, за словом слово,
Когда едва дышать могли,
Ты выдыхаешь, что готова
Идти за мной на край земли.

***

Если можешь, прости.
И прощай.
Друг до друга нам не дотянуться.
Об одном только пообещай:
Что уйдёшь, не посмев оглянуться.

Уходя, обо всём позабудь,
Окружённая свадебной свитой.
Не заметить сумей как-нибудь,
Что гляжу я собакой побитой.

Я тобой буду трудно болеть,
Но зима меня, знаю, излечит.
Домик мой закружит круговерть,
В снег утопит по самые плечи.

И уставясь в горящий камин,
Наблюдая огонь на поленьях,

Буду пить вечерами один.
И собаку ласкать на коленях.

Захмелев лишь, пожалуюсь ей
На тебя, на судьбу и на вьюгу.
– Пьёшь? – она взглядом спросит, – ну, пей.
Пей и спи.
И лизнёт мою руку.

***

Судьба моя солдатская
Негаданно, нежданно
Меня в твоё забросила село.

Всего на день.
Но я его с тех пор и непрестанно
Храню в душе, хоть много лет прошло.

Край неба цвёл сполохами
Вдали за полем хлебным.
Огромная, чуть вмятая луна

Сияньем так сочилась,
Что казался нам волшебным
Тот вечер, перетекший в ночь без сна.

И верится: в душе твоей
Не чем-то мимолётным,
А тем сияньем мягким отлеглось

Вплотную подступившее
За детством беззаботным
Взросленье, что тогда почти сбылось.

Ты только раз щекой своей
Моей щеки коснулась
У дома на окраине села.

А утром снова вдаль меня,
Едва лишь степь проснулась,
Солдатская дорога увела.

***

И крокодил, бывает, плачет
И скорбно поджимает пасть.
Но что же эти слёзы значат?
Здесь в заблужденье трудно впасть.

И ты теперь меня жалеешь
И огорчаешься, для всех.
Но знаю я: ехидством тлеешь,
Я слышу твой злорадный смех:

«Была, мол, жизнь ручной синицей,
Ты журавля хотел поймать.
Да слабой оказался птицей
И – кувырком, пеньки считать!

Не хочешь жить, чтобы целее,
Чтоб в споры не вступать с судьбой,

И синяки тебе милее –
Что ж, кувыркайся, чёрт с тобой!»

Но я на слёзы крокодильи
Плевать хотел, вот что усвой!
Да, я упал, ломая крылья,
Я крепко бит.
Но я живой!

А раз живой – то значит, встану!
Хоть больно мне, но я взлечу!
И журавля ещё достану…

Вот только крылья подлечу.

БАЛЬЖИН ХАТАН и КЛЕОПАТРА

Ларисе ЕГОРОВОЙ

Перед царицами дрожали
Народы, распростершись ниц.
Но и царицы трепетали
Перед царицею цариц.

Она умы им затмевала,
Она им зажигала кровь,
Она одна повелевала –
Царица всех цариц, любовь.

И на Ононе, и на Ниле
Особы царственные встарь
Себя и царства приносили
Любви на жертвенный алтарь.

Бальжин Хатан и Клеопатра
Из века в век и день за днём
Несут любовь в любое завтра,
И дышит мир лишь ею в нём.

НЕБРОСКАЯ ВНЕШНОСТЬ

Неброская внешность,
В нарядах её – простота.

Но нежность какая!
И женственная чистота.

А я не заметил,
А я осознал лишь потом:

Так светел и нежен
Мир может быть только в простом.

ГОРЕЧЬ

О, горечь любви безответной,
Твой привкус в воде родника.

Твой отблеск, другим незаметный,
Подсвечивает облака.

Твой отзвук в свистке тепловозном
И в стуке вагонных колёс.

Твой запах мне вечером поздним
Откуда-то ветер принёс.

Тобою наполнен день летний
И долгая зимняя ночь.

О, горечь любви безответной,
Ну, как мне тебя превозмочь!

НОВЫЙ ГОД

Новый год при свечах!
Новый год при свечах!

Словно звёздочки,
Блёстки на хрупких плечах.

Свет гирлянды играет,
Дробясь в хрустале,

Разноцветьем узорным
Кружась на столе.

Бой часов,
И бокалов глухой перезвон,

Торопливых шагов
Похруст мимо окон.

Запах ёлки и яблок,
И детских стихов

Смешан с тонкой волнующей
Тайной духов.

Искры нежно лучатся
В любимых очах.

Новый год при свечах!
Новый год при свечах!

***

Было лунно, блёстко, снежно.
Мы тропинкой хрусткой шли.
Всё забыв, подолгу нежно
Целовались.

Помнишь ли?

Если нет, то Бог с тобою!
Мне бы тоже позабыть:
Друг для друга несудьбою
Суждено нам в жизни быть...

Раздвоилась та тропинка,
Пролетело много лет.
Но сильна во мне слабинка:
Всё гляжу тебе вослед.

ВЕРНИСЬ

Разве сердце не сдавят тиски,
Если бросишь хотя бы взгляд?

Вот, мои прохудились носки,
Кошка вытаскала цыплят.

Сиротливо грустит окно,
Ты не ждёшь, у него присев.

И зияет в ночи оно,
Как могилы разверстой зев.

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ МИРЫ

Который год я, словно тень,
Брожу один в пустой квартире

И представляю каждый день
Себя, но в параллельном мире.

А параллельные миры
Не населяют барабашки.

Там – как и здесь – дома, дворы,
В квартирах кухни, в кухнях чашки,

Кастрюли, сита для муки,
А в комнатах шкафы, постели.

Живут там наши двойники,
Живут, как мы с тобой хотели.

Там всё, как здесь. Но на тебя
Я там руки не поднимаю,

Твоих подруг, шутя-любя,
В постели я не обнимаю.

И ты не изменяешь мне,
Чтоб ложно самоутвердиться.

Всё это даже и во сне
Не может нам с тобой присниться.

Там всё реальнее, чем здесь:
Чуть напрягу я слух и зренье,

Я там – но лишь душой, не весь –
В другом немного измеренье.

Физически же… целый день
Брожу один в пустой квартире.

Я в этом мире только тень
Себя, что в параллельном мире.

ПТИЦА

Чудная белая птица,
Ей одиноко одной.

Она на окно садится,
Следит сквозь стекло за мной.

Вдруг жарко сквозь оперенье,
Часто вздымая его,

Женского сердца биенье
Меня пронзает всего.

Быть может, она ночами
Спала на моём плече?

Или крылами-плечами
Я в солнечном бил луче?

Неужто в небесной дали
Бездонной голубизны

Это с ней мы летали,
Как утверждают мне сны?

– Скажи: как живёшь, родная,
Птица забытой мечты?

– В разлуке с тобой одна я,
И вижу: один и ты...

И птица вдаль улетает,
Вновь сумрачно на земле.

И отблеском лунным блистает
Трещина на стекле.

МАСТЕР и МАРГАРИН

Один поэтов сын,
Играющий в поэта,
Со мной уже не пьёт.
И делает умно.

А были времена,
Мы в спорах до рассвета
Мешали всё подряд,
Мешая домино.

Вийона и Ли Бо
Мешали под сурдинку,
Мешая с пивом спирт
И ночь мешая с днём.

Но он стихов писать
Не стал.
И мне машинку

Печатную отдал.
Но стих мой не о нём.

А как мне Бегемот
И Понтий при собаке
Свой нанесли визит.
Без цели, просто так.

Мы пили.
Но ничто не предвещало драки –
Ведь гуманисты пить
Стараются без драк.

Я трижды побывал
В киоске за дорогой.
И с каждым разом был
Всё более речист.

Бил Бегемот о стол
Провяленной сорогой,
Пытаясь доказать,
Что Иисус буддист.

Пилат живописал,
Как Марку Крысобою
Спас жизнь в Долине Дев,
Врубившись с турмой в бой.

И потому, твердил,
Я не в ладу с собою,
Что не хочу признать,
Что я тот Крысобой.

Иешуа молчал,
А Воланд усмехался.
Назло Минздраву дым
Табачный плыл, как смог.

И если б в прошлый раз
Я вдрызг не набухался
И от похмельных мук
Не пить не дал зарок –

В сто тысяч первый раз –
Тогда бы как Ерёма

Вдвоём с Фомою мне
Сумели бы вдолбить,

Что – коль уж я поэт
И, плюс, хозяин дома –
Бутылками гостей
Я не обязан бить?

И вот уж Бегемот
С разбойным пляшет свистом,
А прокуратор встал,
Как грозный прокурор.

Я чуть не пожалел,
Что стал я пацифистом,
Но любопытен был
Наш странный разговор.

Иешуа молчал.
А Воланд при собаке,
Пытаясь доказать,
Без цели, просто так,

Вдвоём с Фомою мне,
Не предвещая драки…

Стоп!..
Воланд ведь сюда
Не приводил собак!

Попробую опять:
Играющий в поэта,
Врубившись с турмой в бой,
Мешая домино,
Назло Минздраву…

О!.. опять со мною это!
Закончу, как могу,
Сейчас мне всё равно:

Я или Крысобой –
Теперь хозяин дома,
И глядя в чьё лицо,
Дрожал Ершалаим.

И как-нибудь потом
Фома или Ерёма
Расскажут, как в восторг
Пришёл весь Древний Рим,
Что Понтий Марка спас…

А как же сын поэта?

Наш не окончен спор,
И где-то длится он!

Возможно, я не прав.
Возможно, прав.

Но это
Рассудят пусть Ли Бо
И Франсуа Вийон.

ПЕСЕНКА ЗООФИЛА

пародийная

Я способен любить лосих,
Может быть, я способен любить
В этом диком краю облепих
И глухих кедрачей, может быть.

Амарсана УЛЗЫТУЕВ

Если мне бы вдруг довелось
Повстречать в чащобе лося,
Посрамлён был мною лось
И порода лосиная вся.

Ибо чувства мои прямы,
У любви моей нет берегов,
С крутозадой лосихою мы
Всем лосям понадбавим рогов.

Пусть грозятся лоси, тряся
Предо мною рогатостью всей,
Я пошлю любого лося.
Мне ль бояться каких-то лосей!

Станут лоси меня материть,
Но не буду я слушать их.
Буду лестницу мастерить,
Чтоб удобней любить лосих.

Захотят меня лоси побить,
Я скажу им, не пряча глаз:
«Я способен лосих любить,
Но могу полюбить и вас!»

ПРО ВОРОН

Однажды ворона одела корону,
И стало непросто узнать в ней ворону.

Она распускает и крылья, и хвост,
Амбиций вороньих кипит перехлёст.

Не сто и не тысяча – с разных сторон
Слетелось к вороне сто тысяч ворон,

Расселись по кругу и справа, и слева
И дружно горланят: «Кар-кар, королева!»

Крепчает их карканье, всё перекрыв.
Но свежего ветра примчался порыв,

С пустой головы он срывает корону
И всем открывает простую ворону.

В смятении страшном, что делать не зная,
По свету воронья рассеялась стая.

Летает по свету сто тысяч ворон,
Летает и жаждет вакантных корон.

ЕЩЁ ПРО ВОРОН

Встречаются как-то ворона с вороной,
И в клювах вороньих по репе варёной.

– Здорово, ворона! – одна говорит,
И репа варёная в лужу летит.

– Ну, что же, здорово! – вторая в ответ,
И репа ей шлёт свой прощальный привет.

С тех пор две вороны над лужею кружат,
О репах варёных отчаянно тужат.

На дерево сядут – обиженный вид –
Друг с другом никто уже не говорит.

Захочет одна обратиться к другой,
Сумеет её обозвать лишь – каргой.

БОКОВАЯ ШЕЯ

Пролетишь, простой советский парень,
Полностью, как Будда, просветлённый.
Александр ЕРЁМЕНКО

И рожа, прошу заметить, глумливая.
Михаил БУЛГАКОВ

Вячеслав Шойдонович Бакшеев,
Антипод, двойник мой, побратим!
Как хомут неотвратим для шеи,
Так и твой приезд неотвратим.

С ним смириться надо, как с судьбою,
Хоть не очень это и легко.
Тем, кто много лет знаком с тобою,
Выдавать бы надо молоко.

Я ж тебя полжизни знаю, Слава,
Как и то, что ты полжизни пел.

Если из тебя прёт Окуджава,
Значит, ты порядком захмелел.

Весело с тобою мы пьянели,
С целым миром были мы на «ты».
Тупики всегда для нас синели
Небесами сбыточной мечты.

Нынче, в новом месте постоянном,
Там, где янки вместо корешей,
Чем ты украшаешь неустанно
Полосы и звёзды их ушей?

Или автобанно многомильно
Мчишь, забыв как барахлит свеча?
Или крышу вспомнишь ностальгийно
Нашего лихого «Москвича»?

Как ты выбил в ней округлый слепок
Черепом набыченным своим.
Он на диво оказался крепок
И ни капелюшки невредим.

Никому другому о спасенье
Не пришлось бы даже помечтать!
У тебя ж простого сотрясенья
Не было!
А что там сотрясать?

Если ты обиделся на это –
Что с поэта взять?
Не лучше ль дать?

Но не в морду!
Ибо у поэта
Даже морда – Божья благодать.

САН САНЫЧУ ЗИНОВЬЕВУ

на его теорию «Человейника»

Господа, если к правде святой
Мир дорогу найти не сумеет,
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой.
Пьер-Жан де БЕРАНЖЕ

Самый человейный человей,
Всей России золотой сон навей!

Ибо, как ни пой и сколько ни пей,
Человек лишь муравьишка-муравей.

Ни любви-то он не знает, ни привязанности,
Ни страданий, ни воинской обязанности,

Ни бунтарства, ни смирения, ни долга…
Если список длить – свихнуться недолго.

А свихнёшься, поместят в человейник,
Где рубашка – во всё тело ошейник,

Где глобальные шлифуют идеи
Углублённые в себя человеи.

БЕЗ ЭПИТЕТОВ

Нет эпитета – нет поэта!
Юрий КУЗНЕЦОВ

Отчего поэты
Так бедны трусами?
Поискать ответы
Постарайтесь сами.

Почему износам
Вещи поддаются?
Пред таким вопросом
Мудрецы сдаются.

На него ответом
Есть одно, бесспорно:

Женщины поэтам
Рвут трусы упорно.

И трясёт эстетов,
В стены бьются лбами:
Женщины с поэтов
Рвут трусы зубами.

С ЭПИТЕТАМИ

Есть эпитет – есть поэт!
Юрий КУЗНЕЦОВ

Отчего опальные поэты
Так бедны семейными трусами?
Поискать глобальные ответы
Постарайтесь, умненькие, сами.

Почему губительным износам
Вещи их быстрее поддаются?
Пред таким убийственным вопросом
Мудрецы растерянно сдаются.

На него продуманным ответом
Есть одно, и это так бесспорно:

Женщины-поклонницы поэтам
Рвут трусы последние упорно.

И трясёт завистливых эстетов,
В стены бьются выпуклыми лбами:
Женщины с задумчивых поэтов
Рвут трусы блестящими зубами.

ВЛК

В буфете ЦДЛа,
Где кофе пять рублей,
Компания сидела,
Всех прочих веселей.

Подумаешь: сидела!
Здесь мало ль кто сидел!
Кому какое дело?
Да никому нет дел,

Что речь уже не чётко
В компании той шла,
А чётко только водка –
На стол из-под стола.

ЧЕСТНЫЙ ИЗБЫТОК

Поэт обязан иметь честный избыток,
как необходимое условие его независимости
и чувства собственного достоинства.

Дени ДИДРО

Я весь состою из обломков попыток
Иметь хоть какой-то, но честный, избыток.

Совсем небольшой, заработать хоть как-то…
Но нет его. И не попрёшь против факта,

Что стал повсеместно печально известным:
Избыток в России не может быть честным.

ПАМЯТИ РАХМЕТА

Будут вам стихи и песни.
И еще не раз!
Только вы нас берегите.
Берегите нас.
Булат ОКУДЖАВА

Не изрекатель я советов,
Я далеко не Божий глас.
Но всё ж: любите нас, поэтов,
Пока ещё мы среди вас.

Любите нас, пока мы живы,
Сейчас носите на руках!
А не когда мы, цвета сливы,
Таинственны и молчаливы,
Лежим, все в лентах и венках.

***

Поэт всегда сплошная боль.
И у него смешная роль.

Поэта каждый может пнуть,
Ногой, копытом ли лягнуть,

Кольнуть язвящим языком
И в спину бросить грязи ком.

Но не пригладят утюги,
И не затопчут битюги –

Он совесть ваша и укор,
Он в душу вам глядит в упор,

И плача горько, и смеясь
Так,
Что к нему не липнет грязь.

ЧЕСТНЫЙ ХЛЕБ

Поиграли в поэты,
И – хватит!
Что нужны мы кому-то – всё врут!
За стихи только тем и заплатят,
Что затравят, а после сожрут.

Бросить всё!
Мне найдётся работа,
Нет того, что б я в жизни не смог!
Честный хлеб не бывает без пота –
Это главный отцовский урок.

Эй, кому здесь колодец?.. калитку?..
Или баньку срубить за два дня?..
Печь сложить?.. или выложить плитку?..

А стихи мои как?.. без меня?

Кто их вырвет из вечного плена,
Из безмолвья, из небытия?
Словно искры, средь мрака и тлена
Кто их высечет, если не я?

***

Я – поэт? Или нет?

Кто же даст мне ответ
На вопрос, что пылает в мозгу?

Кто участьем затеплит в душе моей свет
И вселит в неё веру: могу!

Что не зря был не понят,
Не зря я страдал,
Тосковал от весны до весны,

Не напрасно болел,
Мёрз и недоедал…

И ушёл от любимой жены.

СПРАВКА

Настоящая дана Сындуеву Батору,
1930 года рождения, в том, что он
с 1942-го года по 1947-й год
работал разнорабочим в колхозе
«Онон» Дульдургинского района.

Вот справка.
В ней текст лаконично прямой,
В сухой канцелярской прозе,
Что с 42-го по 47-й
Отец мой работал в колхозе.

Вжимал его в землю не ливень свинца –
Труд тяжкий, до изнеможенья –
Мальчонку ещё, но уже не юнца
30-го года рожденья.

РАБОЧИМ ДЕТЯМ ВОЙНЫ

Ветеранов славит вся моя страна,
Им по праву боевые ордена.

В орденах тех отблеск воинских побед,
Отблеск мужества и героизма свет.

Но победы, что одержаны в боях,
Вырастали на заводах и в полях.

Им цена – не только кровь фронтовиков,
Но и пот, и слёзы женщин, стариков,

И детей тяжёлый непосильный труд,
От труда такого даже кони мрут.

Слава тем, кто воевал и победил!
Но не меньшая – и вам, державшим тыл!

Вам, кто воина, что в битвах умирал,
Исхудавшими плечами подпирал,

Кто страну из пепелищ сумел поднять…
Нам бы вас с фронтовиками уравнять.

1985 год

ЛЕГЕНДАРНЫЕ СИБИРЯКИ

Вспомним, как мы Москву отстояли
В первый год той великой войны…
Клещи танковых клиньев сжимали
Златоглавое сердце страны.

На призывные Родины стоны
От байкальских седых берегов
Мчали, гулко трубя, эшелоны –
Эшелоны сибирских полков.

И суровым военным парадом
По брусчатке прошли те полки,
Шли навстречу свинцу и снарядам
Легендарные сибиряки.

И Красная Площадь брусчатая
Размеренный помнит тот шаг –

Шёл просто, его не печатая,
В бессмертие шёл сибиряк.

Грудью насмерть в полях Подмосковья
Встали тысячи сибиряков.
И в боях истекавшие кровью,
Беспощадно громили врагов.

Погибая, Москву отстояли,
Долг свой ставя превыше всего.
И погнали фашиста, погнали!
От Москвы прочь погнали его…

В Подмосковье поля все политы
Алой кровью сибирских солдат,
Отражают гранитные плиты
Кровоточащий алый закат.

Поля помнят все подмосковные:
Кто их защищал от врага.
С тех пор стали братьями кровными
Байкальские им берега.

И Красная Площадь брусчатая
Размеренный помнит тот шаг –
Шёл просто, его не печатая,
В бессмертие шёл сибиряк.

… И поныне суровым парадом
Всё идут и идут те полки
Вдаль, навстречу свинцу и снарядам –
Легендарные сибиряки!

ПОТЕМНЕВШИЕ МЕДАЛИ

В какой же ты, по уши, яме,
Державнейшая из стран,
Когда конкурент с воробьями,
С бродячим котом – ветеран!

Полмира прошедший с боями,
Участник Великих Побед,
В контейнерах, что за домами,
Выискивает на обед:

«Вот, пенсию снова не дали…
Хотя бы на хлеб… да табак».
И две потемневших медали
О мусорный брякают бак.

1996 год

ОТ ЧЁРНОГО МОРЯ ДО БЕЛОГО МОРЯ

От Чёрного моря до Белого моря
Пылала фронтами страна.
И общими были и радость, и горе –
Сплотила народы война.

В полях под Москвою немало осталось
Отважных сибирских солдат.
И новой волной надвигалось
Сражение за Сталинград.

Шли к Волге фашистов стальные колонны,
Бесчисленностью велики.
Но мчали на запад, набив эшелоны,
Сибирские наши полки.

И с яростно вспыхнувшей силой былинной
На полчища лютых врагов

Обрушились грозной лавиной
Дивизии сибиряков.

Пусть земли Сибири войной не объяты,
Но каждый друг другу был брат.
И с братьями встали у Волги буряты,
Чтоб грудью закрыть Сталинград.

Громили фашиста в той битве великой
Под шквальным огнём батарей.
Прозвали Дивизией Дикой
Бурятских богатырей.

Штандарты фашистских дивизий хваленых
Нарвались на стену огня,
На стену народов, навеки сплочённых,
Чья дружба крепка, как броня,

Что рвали штандарты, себя не жалея,
И в сорок победном году
Швырнули их наземь, к стенам Мавзолея,
У мира всего на виду.

321-я СИБИРСКАЯ

321-я дивизия стрелковая,
Славная сибирская,
Лихая и суровая!

321-я, у Волги насмерть вставшая,
Земли родной захватчикам
Ни пяди не отдавшая.

321-я, кровью истекавшая,
В атаку на противника
Яростно встававшая.

321-я, ставшая гвардейскою,
Силу вражью бившая,
Стальную и злодейскую.

321-я, слава сталинградская,
Гордость забайкальская –
Русская, бурятская.

321-я, легендарной ставшая,
И врага от Волги
До Берлина гнавшая.

321-я, головы сложившая,
О тебе в сердцах у нас
Память неостывшая.

ДЕД

Мне рассказывал дед,
Как он бился у стен Сталинграда.
Растирал старый след
На груди, от осколка снаряда.

Он друзей вспоминал,
Что навеки остались у Волги.
Он порою вздыхал,
Вздохи были глубоки и долги.

Вдаль куда-то глядел
И, наверное, видел ту битву.
То негромко он пел,
То шептал лишь губами молитву.

И к себе прижимал,
По макушке меня тихо гладя:

– Я, внучок, воевал,
Чтобы жили отец твой и дядя.

Он мне орден отдал,
Что привёз из-под стен Сталинграда.
– Ты, внучок, – он сказал, –
Моя главная в жизни награда.

УЛИЦА БУРЯТСКАЯ

Здесь каждый ручеёк и каждый склон
Таят в себе глухой надрывный стон

По людям, что погублены войной,
Гудевшей смерчем чёрным над Чечнёй.

Стон сдерживает, мужество храня,
Несломленная гордая Чечня.

Нескоро рана в сердце зарастёт,
Но всё ж Чечня жива, Чечня цветёт!

Она открыта дружеским объятьям,
Гостям хорошим рада, словно братьям.

И я мечту в душе своей храню:
Приехать гостем в мирную Чечню.

Мечтаю, как в ауле Белгатой
Пройду неспешно улицею той,

Что благодарно и с любовью братской
Назвали люди Улицей Бурятской.

Ей дали это имя неспроста!
За то, что не запятнана, чиста

Осталась честь омоновца-бурята,
Что исполнял долг воинский здесь свято,

Что громко в нём звучал и не умолк
Долг человечности, высокий долг.

Чем мог, он людям мирным помогал,
Хотя и ранен был, и погибал.

Он к людям относился, как к родным,
К их детям относился, как к своим.

Аул прикрыл он от боевиков
И от бесчинств прикрыл силовиков.

Об этом с уваженьем говорят
Любой чеченец и любой бурят.

Пускай с годами боль утрат не легче,
Но наша дружба будет только крепче.

И я уверен, что всегда бурят
Чеченцу был и остаётся брат.

И я ещё в ауле Белгатой
Скажу о том на улице, на той,

Что благодарно и с любовью братской
Назвали люди Улицей Бурятской.

ОРЁЛ СТЕПНОЙ,
ОРЛЁНОК ГОРНЫЙ

Гудела над Чечнёй беда лихая
И множила количество смертей.
И выстрелы гремели, не стихая,
Ни взрослых не щадя и ни детей.

А дети ведь ни в чём не виноваты,
Неоперённые ещё птенцы.
И были там омоновцы-буряты,
Все чьи-то сыновья или отцы.

Они пришли с оружием, не спорю,
Им было этого не избежать.
Но я упрямо раз за разом вторю:
Они пришли чеченцев поддержать –

Тех, кто душою искренне стремится
В согласье со страной и в мире жить,

Детей растить, для блага их трудиться
И дружбою с соседом дорожить.

– Нет ничего важней, чем человечность! –
Напоминал бойцам их командир, –
Мы к людям проявлять должны сердечность.
Мы не войну несём в Чечню, а мир!

А командиром нашего ОМОНа
Был двухметровый богатырь-бурят.
Такие головой до небосклона
Достанут, так в народе говорят.

Стоял тогда ОМОН в одном ауле,
Аул был, как и вся Чечня, непрост.
И мальчик местный, хоть свистели пули,
Всё приходил к бурятам на блок-пост.

Те, по полгода дома не бывая,
К мальчишке привязались всей душой.
А он дивился, не переставая:
Какой же командир у них большой!

И в этом удивленье непрестанном,
Ходя за командиром по пятам,
Он видел его Добрым Великаном
И детским предавался он мечтам:

Что Великан своей волшебной силой
Его от ужасов войны спасёт –
Такой безумной и такой постылой! –
И в край волшебный мирный унесёт.

Любой мечтам способен предаваться.
Но сбудутся ли те мечты? Как знать!
А детские мечты должны сбываться!
Зачем иначе детям вырастать?

И командир исполнил то мечтанье –
В Бурятию мальчишку он забрал,
Растил, как сына, дал образованье,
Вторым отцом и старшим братом стал.

Малыш чеченский вырос, стал мужчиной,
Открыт и прям в словах или делах.

Он – чингизид в душе его орлиной,
Но, как и был, остался он вайнах!

Орёл степной с отеческой любовью
Орлёнка горного взрастил и воспитал.
Орлёнок сердцем и чеченской кровью
Навек любовь к Бурятии впитал.

АЛДАР

С флагштока приспущен Андреевский флаг
В честь памяти светлой Алдара.
Он долг ставил выше всех жизненных благ
И жизни, бесценного дара.

Нёс службу на флоте парнишка-бурят,
Надёжным был, умным и смелым.
Такие за Родину сердцем горят,
А надо – сгорают и телом.

У каждого в жизни есть истины миг –
Принять иль уйти от удара –
Миг яркий и краткий, как солнечный блик.
И был этот миг у Алдара.

В моторном отсеке бушует пожар,
Взлететь должен в воздух эсминец.

Но встал на пути у пожара Алдар,
Встал грудью отважный агинец.

Как факел пылая, сквозь дыма мираж
Смирял он пожара стихию.
Он знал, что он гибнет!
За весь экипаж,
За степи Аги и Россию!

Он знал, что он гибнет!
Но не отступил,
Терпя боли адские муки.
Боролся с пожаром и не опустил
Свои обожжённые руки.

Потушен пожар. Экипаж уцелел.
И служит на благо Отчизны.
Алдар юной жизни своей не жалел,
Спасая друзей своих жизни.

Он долг ставил выше всех жизненных благ
И жизни, бесценного дара.

С флагштока приспущен Андреевский флаг
В честь памяти светлой Алдара.

Алдар.
Нет суровей и жёстче были.
Отдал жизнь свою в дар –
Людям в дар, чтоб людьми были.

ЧИНГИЗИД ЮГО-ОСЕТИНСКИЙ

Был год Олимпиады.
И в первый её день
Грузинские снаряды
Взметнули смерти тень.

И к Юго-Осетинской
Республике тогда
Со стороны грузинской
Надвинулась беда.

За честь и за свободу
Кипел кровавый бой.
В огне не сыщешь броду,
Но случай был такой.

Захватчиков колонна
Походным маршем шла,

К победе неуклонно
Фортуна их вела.

Но почему машины
Застопорили ход?
В смятении грузины:
Кто их прервал поход?

Кто создал проволочку,
Движенье тормозит?
И видят: в одиночку
Выходит чингизид.

Без шапки, камуфляжный,
На их пути встаёт –
Пацан совсем! – отважный,
И держит пулемёт.

Поднял его навскидку
И на прицел их взял,

Сжав губы свои в нитку,
Он против них стоял.

Один стоял! О, Боже!
И щурил узкий глаз,
Плевать хотел, похоже,
На сранный их спецназ.

Ему кричат грузины:
«Да мы тебя убьём!»
Но нет! Против мужчины
Бессилен тот приём.

Грузинским автоматам
Нацеленным в него,
Таким он выдал матом –
До неба самого!

Они кричат: «С дороги!
Дорогу дай! Ё-ё!..»
Но лишь покрепче ноги
Пацан упёр в неё,

Но лишь им в лоб точнее
Нацелил пулемёт.
И было всё яснее:
Он с места не сойдёт!

Не дрогнет, не уступит
И не шагнёт назад,
Словами хлёстко лупит
Их в мат и в перемат!

Там были журналисты,
С грузинской стороны.
О, эти-то речисты!
И разных слов полны...

Развесистой их клюквы
Пацан терпеть не стал –
Их на три русских буквы
По матери послал.

Они – опять. Он снова
Встряхнул весь алфавит,

Ведь матерное слово
Покрепче, чем гранит.

Врагам он не оставил
Ни пяди той земли.
Куда он их отправил,
Туда они пошли.

СУРХАРБАН

Если кто-то начнёт нас расспрашивать:
Почему здесь собрался народ –
По обычаю древнему нашему
Сурхарбан-состязанье идёт.

Когда земля не разделялась
На множество земель и стран,
Когда всё только начиналось,
Тогда возник наш Сурхарбан.

В дни изобилия природы,
Когда у всех был скот жирней,
Когда небес синели своды
Сияньем долгих летних дней,

Вскипали три мужских забавы –
В стрельбе и в скачках, и в борьбе

Буряты блеск высокой славы
Стяжали роду и себе.

Степь, оживляясь, расцветала
Небесной радугой шелков.
В цель стрелы метко посылала
Рука стоящих в ряд стрелков.

Борцы, сцепившись, в напряженье
Бугрились мышцами спины.
И, пробудив земли гуденье,
В галоп стелились скакуны.

Лучились светом лица женщин,
Сверкал огонь в глазах мужчин,
Сияла седина старейшин,
Пел улигер улигершин.

Крепчали дружеские узы
Под сенью праздничных знамён.
Вязались брачные союзы,
Вершилось в них родство племён.

Буряты сквозь веков потёмки
Свет Сурхарбана пронесли.
Мы, предков доблестных потомки,
Обычай чтя, сюда пришли.

Так пусть спортивные забавы
Вскипят!
И в честной лишь борьбе
Спортсмены блеск высокой славы
Стяжают роду и себе!

Чтобы земля не разделялась
На множество земель и стран,
Чтоб жизнь цвела и продолжалась,
Мы празднуем наш Сурхарбан!

В ДАЦАНЕ

Здесь время сверху вниз по стенам
Плывёт и замедляет бег.
Течёт почтение по венам,
Взгляд теплит Будда из-под век –

Глядит светло и благосклонно.
А перед ним дымки струят,
В ноздрях тоскуя благовонно,
Струят Нирваны аромат.

Горят в чеканной тёмной бронзе,
Купаясь в масле, фитили.
Лама сидит в восточной позе,
Под ним пригрелся пуп земли.

Лама рокочет по-тибетски
И потрясает бубенцом.

Всяк робок перед ним по-детски,
Всяк чувствует себя юнцом,

Всяк смертен здесь.
И всяк бессмертен,
Пока свой рокот льёт лама,
Пока он жезлы в пальцах вертит,
Пока в душе звучит: ом ма…

Ом мани падмэ хум –
О, Будда, встающий из цветка лотоса!

ДАШИ-ДОРЖО ЭТИГЕЛОВ

С чем нам сравнить и чем измерить
То, что мы видим наяву?
Чему вначале трудно верить,
Что не подвластно естеству?

Он жив!
И лишь его сознанье
Летает где-то в этот миг.
Какие ж тайны мирозданья
Он в медитации постиг!

Вернувшись из миров, откуда
Еще никто не приходил,
Собой невиданное чудо
Он человечеству явил.

Поставил под сомненье разом
Всё, что рождал веками спор,

Чего достигли дух и разум,
И что мы знали до сих пор.

Заложники своей планеты,
Вселенских не страшась угроз,
Мы слушаем его ответы.
А он лишь задаёт вопрос.

Но вопрошая, вслух не спросит,
Как видно, не настал тот срок.
Он нам безмолвно преподносит
Пока неясный нам урок.

И вновь, взывая к нашей вере,
Надеждой греет нам сердца,
Что нам, как и Вселенской Сфере,
Начала нет и нет конца.

***

По сопкам – спинам исполинских динозавров,
Заснувших здесь с доисторических времён –
Протяжно-долго затихает звон литавров,
И труб дацанских шелестит утробный стон.

***

В метро лабиринтов маршрутных
Нервический грохот составов
Не в силах в ушах заглушить
Плеск лёгкой байкальской волны.

На солнечный свет из подземки
Московской поднявшись, застыну.
Гляжу с ностальгией, как в небе
Неспешно плывут облака.

Они над Бурятией плыли.

***

Луны монета, в небе прорезь найдя,
Пытается в неё протиснуться бочком.

***

Поставив машину в сторонке,
Сижу в ней, жену поджидая.

Вдруг в зеркале заднего вида
Девчонка мелькнула такая,
Что сердце заставила вздрогнуть.

О, как я был счастлив
Узнать в ней жену!

***

Собаку свою вспоминая,
Лет восемь назад околевшую
По моему недосмотру,

Я вижу преданный взгляд
Глаз любящих карих её.

И чувство вины мне сердце сжимает.

***

С пологой крыши сбрасывая снег
На кустики смородины промёрзшей,
Вдруг терпкий её запах уловил.

Задолго до весны, в безмолвье белом,
Так это странно было.
И тревожно.

***

Сегодня жена рассмеялась.
К вискам возле глаз её юных
Сбежалась морщинками кожа.

И о быстротечности жизни я вспомнил.
И будто заноза
В сознанье моём шевельнулась.

***

Разглядывая облик свой в витрине,
Фотограф, в ожидании клиентов,
Лениво курит сигарету.

А у сидящей рядом обезьянки
Глаза смирившейся с судьбой старушки.

***

Как высохла, сгорбилась мама!
Тарелка, из рук непослушных
Скользнув, разбивается об пол.

Осколки её собирая, склонившись,
Я слёзы неслышно глотаю.

***

Где облака, как в скирдах хлопок,
Где небо распахнулось голубо,

Деревья толпами к вершинам сопок
Взбираются, как предки на обо.

***

В зените пара голубят
Бьёт крыльями на грани срыва.

Под ними трубы ТЭЦ клубят
Грибами ядерного взрыва.

***

Трамвая раннего звонок –
Прелюдия дневного гула.

А солнце, ласковый щенок,
Затылок мой лучом лизнуло.

***

Изрубили лоб морщины,
Это жизни трещины.

Как у всякого мужчины –
Взлёты, срывы, женщины.

***

Однажды услыхав, я понял вдруг
И буду помнить, сколько я живу:

Покой в ночи несёт один лишь стук –
Стук яблока, упавшего в траву.

***

Необуздан я был и несдержан
Ни в поступках, ни в выборе фраз:
Весел – весел,
Рассержен – рассержен.

Обжигался на этом не раз.

Много было уроков невежде,
Поостыл мой безудержный пыл.

Я спокойно живу,
Только прежде
Почему-то счастливее был.

***

Не торопясь с ответом,
Скептически инертен,
Живу я в мире этом,
Как будто я бессмертен,

Как будто будет время
Загладить след ошибок
И помириться с теми,
Кто, как и я, негибок.

Не слушая совета,
Живу бескомпромиссно,
Как будто небо это
Не надо мной нависло.

***

Спасибо вам, мои враги,
Что не даёте расслабляться,
Что – хоть моги, хоть не моги –
Мне на диване не валяться.

А снова, крепко зубы сжав,
Презрев все напасти и беды,
Всего себя в кулак собрав –
Вперёд и вверх! И до победы!

Я с детских лет отца урок
Запомнил и усвоил впрок:

«Чем громче шавки лают вслед,
Тем ты верней торишь свой след.

А чем верней торишь ты след,
Тем громче шавки лают вслед».

ПРИВЕТ А. С. ПУШКИНУ

Закашляюсь я, свой бронхит кляня.
Вот если бы с ментолом сигарету!
А тут на папиросы даже нету…

Но вреден «СЕВЕР» для меня.

1992 г.

Содержание

О себе 3
«Боюсь я прожить как-нибудь...» 7
«Соборность духа, евразийское лицо...» 8
«Рязань меня публикует...» 9
Куст 10
Между Сциллой и Харибдой 12
Слово 14
Пустяки 15
Возвращение 16
Плацкарта 18
Кавычки 20
Memento mori 22
Ячмень 23
«Кто может человеку ближе быть, чем мать?..» 24
«Моя годовалая дочка...» 25
Затянувшееся мгновение 26
Мать в небе 28

«По дому сон из детства бродит...» 30
Дом ребёнка 31
Сынок.....32
«Дождь над миром развесил...» 34
«Лесок пожелтевший от трассы...» 35
Песня осени 36
«Рыжая грива осеннего леса...» 39
Осень.....40
«Синусоидо-сопки...» 41
Человек, бурундук и орехи.....42
«Пополненьем призыва осеннего...» 45
«Последний солнца луч исчез...» 46
«Арбузным ломтем над Байкалом...» 47
«Свежим омулем пахнет Байкал?..».....48
Закат над Байкалом 49
«Морозной тихой-тихой ночью...» 52
Полярная звезда.....53
«Чтоб узнать, насколько родина прекрасна...» 54
Два крыла.....55
Киевская стена.....56

Дыхание степи Агинской 58
Евразийская звезда 60
Китаизация Сибири 62
Метро 64
Доколе 66
Песенный язык 68
Премудрый пескарь 70
Якутия 72
Берег последнего моря 74
Под вечным синим небом 75
«В поле столкнулись две конных ватаги...» 76
Друг степей 79
Мать-лебедь 80
Нежноскулая загадка 82
Морин хуристка 84
«Шаг сделан...» 85
Сквозь вьюгу 86
«Если можешь, прости...» 88
«Судьба моя солдатская...» 90
«И крокодил, бывает, плачет...» 92

Бальжин хатан и Клеопатра 94
Неброская внешность 96
Горечь 97
Новый год 98
«Было лунно, блёстко, снежно...» 100
Вернись 101
Параллельные миры 102
Птица 104
Мастер и маргарин 106
Песенка зоофила 112
Про ворон 114
Ещё про ворон 116
Боковая шея 117
Сан Санычу Зиновьеву 120
Без эпитетов 122
С эпитетами 124
ВЛК 126
Честный избыток 127
Памяти Рахмета 128
«Поэт всегда сплошная боль...» 129

Честный хлеб 130
«Я – поэт? Или нет?..» 132
Справка 133
Рабочим детям войны 134
Легендарные сибиряки 136
Потемневшие медали 139
От Чёрного моря до Белого моря 140
321-я Сибирская 142
Дед 144
Улица бурятская 146
Орёл степной, орлёнок горный 149
Алдар 153
Чингизид юго-осетинский 156
Сурхарбан 161
В дацане 164
Даши-Доржо Этигелов 166
«По сопкам – спинам исполинских динозавров...» ... 168
«В метро лабиринтов маршрутных...» 169
«Луны монета, в небе прорезь найдя...» 170
«Поставив машину в сторонке...» 171

«Собаку свою вспоминая...» 172
«С пологой крыши сбрасывая снег...» 173
«Сегодня жена рассмеялась...» 174
«Разглядывая облик свой в витрине...» 175
«Как высохла, сгорбилась мама!..» 176
«Где облака, как в скирдах хлопок...» 177
«В зените пара голубят...» 178
«Трамвая раннего звонок...» 179
«Изрубили лоб морщины...» 180
«Однажды услыхав, я понял вдруг...» 181
«Необуздан я был и несдержан...» 182
«Не торопясь с ответом...» 183
«Спасибо вам, мои враги...» 184
Привет А. С. Пушкину 185

Есугей СЫНДУЕВ

ЕВРАЗИЙСКАЯ ЗВЕЗДА

Избранные стихотворения

Том первый

Верстка текста: А. Жаркой «НоваПринт»

6+

Формат 70х100/32.
Печать офсетная.Бумага офсетная. Печ. л. 12.
Гарнитура Myriad Pro.
Заказ № 1350, тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии «НоваПринт»
670000, г. Улан-Удэ, ул. Балтахинова, 15, оф. 501
Тел.: (3012) 212-220, 212-552